

ВОСТОК – ЗАПАД

DOI: 10.31857/S086919080014230-0

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В ПРОЕКТАХ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

© 2021

Д.В. ОВСЯННИКОВ ^a, Б.А. АЛИМДЖАНОВ ^b, Т.М. КАРМОВ ^c

^a – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1626-0678, d.ovsiannikov@spbu.ru

^b – Институт Востоковедения им. Абу Райхана Беруни, Ташкент, Узбекистан
ORCID ID: 0000-0002-8251-0201, felix_1985@mail.ru

^c – Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
ORCID ID: 0000-0001-9534-5797, t.karmov@spbu.ru

Резюме: В статье рассматриваются вопросы управления имперскими территориями, лояльность которых была под вопросом ввиду относительно недавнего «замирения» и на которых после завоевания было установлено туземное/инородческое управление. Империи Модерна в Европе (Россия, Великобритания, Франция) мы рассматриваем как сложные управленческие структуры, оформляющие собой пропорциональные по сложности социальные системы, выступающие в роли субъектов на исторической арене. Основное внимание уделяется дискуссиям в среде британских и российских чиновников касательно сельской общины как основного структурного объекта в региональной имперской политике. Поднимается вопрос о первоисточнике преобразований, а также о заимствовании управленческих практик (трансферов) великими державами друг у друга. Авторы выходят за рамки дуалистического сопоставления, включают в исследовательское поле французский опыт и делают попытку оценить степень его влияния на русских и англичан. Авторы стремятся осмыслить российскую специфику, отталкиваясь от анализа основных принципов, составляющих суть подходов имперского управления англичан и отчасти французов. Делается попытка дать ответ на вопрос о сущностных характеристиках русского имперского метода управления. Авторы пытаются обрисовать в общих чертах полемику в правящих кругах Великобритании и России по поводу управления опосредованно через иерархию социальных отношений в завоеванных регионах в контексте проблемы землепользования и развития товарно-денежных отношений в деревне. Для успеха выполнения этой задачи предпринята попытка соотнести ситуацию в Британской Индии и в Русском Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. с имперскими практиками французов в Северной Африке в отношении общины. Это позволяет высказать мнение касательно отдельных черт русской специфики управления национальными окраинами и о причинах отлучия России от современных ей колониальных империй в лице Великобритании и Франции.

Ключевые слова: Русский Туркестан, Британская Индия, Французский Алжир, сельская община, колония, национальная окраина, проекты колониального управления, либерализм.

Для цитирования: Овсянников Д.В., Алимджанов Б.А., Кармов Т.М. Сельская община в проектах колониального управления в России, Великобритании и Франции. *Восток (Oriens)*. 2021. № 2. С. 158–169. DOI: 10.31857/S086919080014230-0

RURAL COMMUNITY IN COLONIAL GOVERNANCE PROJECTS
IN RUSSIA, GREAT BRITAIN AND FRANCE© 2021 Dmitry V. OVSIANNIKOV ^a, Bakhtiyor A. ALIMDJANOV ^b, Timur M. KARMOV ^c^a – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1626-0678, d.ovsiannikov@spbu.ru^b – Abu RaykhanBeruni Institute of Oriental Studies, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: 0000-0002-8251-0201_felix_1985@mail.ru^c – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9534-5797, t.karmov@spbu.ru

Abstract: *The article examines the management of imperial territories inhabited by natives/aliens, whose loyalty was in question due to the relatively recent reconciliation. We consider Modern empires in Europe (Russia, Great Britain, France) as complex management structures that shape social systems proportionate in complexity, acting as subjects in the historical arena. The authors go beyond the dualistic comparison, include the French experience in the research field and make an attempt to assess the degree of its influence on the Russians and the British. An attempt is made to answer the question of the essential characteristics of the Russian imperial method of government. We will try to outline the controversy in the ruling circles of Great Britain and Russia regarding the management indirectly through the hierarchy of social relations in the conquered regions in the context of the problem of land use and the development of commodity-money relations in the countryside. For the success of this task, we will try to correlate the situation in British India and Russian Turkestan in the second half of the 19th – early 20th centuries with the imperial practices of the French in North Africa in relation to the community. This will make it possible to express an opinion regarding certain features of the Russian specifics of the management of national borderlands and the reasons for the difference between Russia and its contemporary colonial empires, represented by Great Britain and France.*

Keywords: Russian Turkestan, British India, French Algeria, rural community, colony, national outskirts, projects of colonial rule, liberalism.

For citation: Ovsjannikov D.V., Alimdjano B.A., Karmov T.M. Rural Community in Colonial Governance Projects in Russia, Great Britain and France. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 2. Pp. 158–169. DOI: 10.31857/S086919080014230-0

ВВЕДЕНИЕ

Проблема управления и последующей интеграции завоеванных регионов с мусульманским (и не только) населением в состав европейских империй в эпоху Модерна представляет интерес для изучения. Имперские проекты и имперские практики, которые успешно зарекомендовали себя во владениях одной империи, обуславливали заимствования оных («трансферы») администрацией империй-конкурентов. Сравнение методов и практик имперских чиновников в Туркестане, с аналогичными действиями британцев в Индии, а также с французским опытом в Северной Африке и версии о заимствованиях нашли отражение в таком направлении зарубежной историографии, как «сравнительная империология» (comparative empire studies). Учитывая это, мы постараемся представить свой взгляд на данную проблему исторической компаративистики.

В колониях и на национальных окраинах великие державы выстраивали сложную систему управления, включающую «прямые» и «косвенные» методы. При этом в Русском Туркестане наряду с генерал-губернаторством существовали протектораты (Бухарский эмират и Хивинское ханство). В Британской Индии помимо колониальных владений короны в вассальной зависимости от Великобритании – многочисленные туземные княжества-протектораты, а в завоеванной французами Северной Африке было 4 департамента Алжира (не отличающихся по формальным признакам от собственно Франции) и протектораты Тунис и Марокко. Следует учитывать, что структуры управления в протекторатах и национальных окраинах/колониях не совпадали между собой. По-разному реализовывалась система управления и по отношению к сельским общинам в разных частях империй. Так, были отличия в методах России в вопросе общины на Кавказе и в Туркестане, а политика Франции в Алжире и в том же Индокитае также не была унифицирована. В данной работе мы, не претендуя на всеохватность, лишь затронем эволюцию взглядов внутри правящих кругов империй на проблему общины в конкретных регионах.

Русский Туркестан и Кавказ нередко сравнивали с Британской Индией [Morrison, 2006], а также делали попытки соотнести национальные окраины России с французскими колониями в Северной Африке [Бобровников, 2010; Бобровников, 2011]. Нужно отметить, что не все исторические сравнения отображают историческую действительность. Например, британский историк А. Моррисон, сравнивая Самарканд с Пенджабом, не учитывает, что в геополитическом и экономическом плане – это две разные величины: Пенджаб считался житницей Индии, а Самарканд (самая маленькая область в Туркестане) играл более скромную экономическую роль в Русском Туркестане. Скорее всего автор исходил из статистических данных, которые трудно поддаются правильной интерпретации [Morrison, 2006, p. 291]. Конечно, все сравнения носят во многом спекулятивный характер и хороши до известной степени. У современных исследователей не пропадает интерес к эпохе колониальных завоеваний и первых колониальных реформ.

Империи Модерна в Европе (Россия, Великобритания, Франция) мы рассматриваем как сложные управленческие структуры, оформляющие собой пропорциональные по сложности социальные системы, выступающие в роли субъектов на исторической арене. Данные типы субъектов находились во взаимодействии с системами менее сложного порядка – объектами. Это покоренные и интегрируемые территории, население которых исповедует ислам и другие религии Востока. При этом мы постараемся выйти за рамки обозначенной выше «сравнительной империологии». Через призму методов управления в колониях/национальных окраинах мы попытаемся отделить субстанцию от функции (содержание от формы) и сравнить некоторые сущностные аспекты империй. Для успешного разрешения этой проблемы мы используем сравнительно-исторический и историко-типологический методы.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ

Русские этнографы изучали феномен сельской общины народов Туркестана и Кавказа, будучи современниками исследуемых нами событий. Видение науки базировалось на унификационной доктрине эволюционизма, в рамках которой все социумы последовательно должны проходить определенные стадии развития. Венцом считалось выделение социального индивида как личности (его персонификация), и, следовательно, института частной собственности как основы землепользования. Общинная стадия рассматривалась как непременно предшествующая подобным отношениям. Классическим представителем этой школы был М.М. Ковалевский [Ковалевский, 1879]. Это стало теоретической основой выводов графа К.К. Палена о повсеместном существовании в Туркестане в прошлом

общины [Пален, 1911, с. 104]. В советской науке до Великой Отечественной войны господствующим был тезис об общине как пережитке социальных отношений, бытовании общины в глухих и труднодоступных районах Средней Азии [Кондауров, 1940]. В 1950 – 1980-х гг. на страницах журнала «Советская этнография» вышел ряд статей, посвященных общине Туркестана на рубеже XIX–XX вв. [Абдулхамидов, 1987; Абдураимов, 1959; Громыко 1984]. Стоит отметить, что среди отечественных ученых довольно узок круг специалистов, уделявших внимание данной проблеме относительно Туркестана в имперский период [Абашин, 2001; Абашин, 2002]. Косвенно С.Н. Абашин затрагивает сельскую общину в Средней Азии и в своем недавнем крупном историко-антропологическом исследовании [Абашин, 2015]. Автором во введении к монографии дается содержательный материал по историографии общины в регионе, несмотря на то, что в фокусе исследователя находится советский период. Важное значение для нашего исследования имеют относительно свежие работы выдающегося индолога Б.А. Алаева [Алаев, 2014; Алаев, 2016]. В них убедительно демонстрируется, как интерес к общине, поднятый представителями немецкого романтизма и продолженный классиками марксизма, был реализован на индийской почве британскими администраторами. Крестьянский вопрос в Азии (включая и проблему сельской общины в Британской Индии) нашел отражение в серьезных и фундаментальных работах А.И. Фурсова, которые не утратили научной значимости и актуальны по сей день [Фурсов, 1993]. Колониальное управление и сельская община в Индии, а также полемика в правящих кругах Лондона по этой проблеме были проанализированы корифеями британской исторической науки в 1960–1990-е гг. [Metcalf, 1994; Edwardes, 1967; Rudolf, 1967]. В свою очередь, труд французского историка Клода Колло, который нельзя обойти вниманием, говоря о колониальном Алжире, содержит ценные сведения об арабских и берберских племенах, которые подвергли созданию, упразднению, а затем и дезинтеграции колониальные чиновники Франции [Collot, 1987]. Концептуально и фактологически важными для данного исследования оказались статьи о мусульманской сельской общине (джемаа), дуарах и арабских бюро в Северной Африке из франкоязычной *Encyclopédie berbère* [Bureaux arabes, 1992; Djemâa, 1995; Douar, 1995]. Однако сравнения этих трех примеров выстраивания косвенного управления с опорой на общинные институты в колониях/национальных окраинах как отдельного исторического сюжета нами не выявлено. Это обуславливает актуальность представляемого исследования.

В качестве источников при подготовке данного исследования мы использовали материалы ревизий Туркестанского края, произведенных Ф.К. Гирсом и графом К.К. Паленом, проект отчета К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. Нами были также проанализированы статьи Положения об управлении Туркестанского края. Помимо этого, были задействованы неопубликованные документы, извлеченные из фонда Ф. 1268 («Кавказский комитет») Российского государственного исторического архива (РГИА).

БРИТАНСКИЕ МЕТОДЫ, ФРАНЦУЗСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ И РУССКИЙ ВГЛЯД НА ОБЩИНУ В ТУРКЕСТАНЕ

В апреле 1859 г. в Индии было подавлено восстание сипаев. Это была победа Британской короны, т. к. в августе 1858 г., согласно «Акту о лучшем управлении Индией», Британская Ост-Индская компания передала административные полномочия в Индии в ее руки. Насущной проблемой для правящих кругов не только Великобритании, но и других великих европейских держав становится вопрос укрепления своей власти на завоеванных территориях, ее упрочения и извлечения прибыли. Очевидной задачей стал поиск социальной

опоры власти. Внимание чиновников и исследователей оказалось сосредоточено на определенных специфических типах социальной организации, к которым пришли различные народы в своем развитии. Эта внутренняя социальная организация, с одной стороны, имела особенности, характерные только для того или иного народа, а, с другой стороны, представляла собой исторически устойчивое явление. Речь идет о сельской общине, интерес к которой прослеживается в политике Великобритании, Франции и России.

В 1860–1880-е гг. англичане стремились установить «власть закона» («The rule of law») в колониях, которую должно было обеспечить сильное правительство [Edwardes, 1967, p. 180]. Экономические проблемы в Индии также предполагалось решать посредством реформ, направленных на разрушение сельской общины. Так сэр Дж.Ф. Стивен (член Индийского Совета в 1869–1872 гг.) был уверен, что демонтаж индийской сельской общины и установление английского права с опорой на институт частной собственности послужат «развитию прогресса» в Индии, откроют дорогу для социальной мобильности и станут толчком для развития рыночных отношений в деревне [Edwardes, 1967, p. 180–181]. «Индийская деревня многие века была в состоянии стагнации, которая мешала накоплению богатства, развитию политических институтов, разума», – утверждал Стивен [Edwardes, 1967, p. 180–181]. Сыграв свою позитивную роль в прошлом, община превратилась «в грубый социализм, который сковывал индивидуальную инициативу» [Edwardes, 1967, p. 180–181]. По мнению Стивена, переход земель из рук сельской общины к ростовщикам должен стать той «болью», которую необходимо было преодолеть индийцам на пути к прогрессу. В конечном итоге надежда возлагалась на получившие английское образование слои индийского общества. Им отводилась роль опоры «новых» идей. Вместе с этим он охарактеризовал британское правление как «воинственное цивилизаторство» [Metcalf, 1994, p. 57], а значит, как «господство британцев над побежденной расой» [Metcalf, 1994, p. 57]. Вместе с тем он сравнивал власть Великобритании в Индии с «большим мостом» через который проходят миллионы людей, оставив за собой «жестокие войны, суеверия, голод и беды» в страну «мира, порядка и индустрии» [Metcalf, 1994, p. 57].

Если сравнить идеи представителя школы английской политэкономии и парламентского либерала Дж.С. Милля и упомянутого выше Стивена, то перед нами предстают две разные ипостаси либерализма. Очень верное замечание в связи с этим сделал Р. Беллами, который писал, что понятие либерализма «неуловимо» в своей сути. Либерализм может включать в себя разные взгляды и понятия [Bellamy, 1990, p. 1–3]. Так, если Милль приветствовал «реформы» англичан для трансформации Индии и считал индийцев «похожими» на англичан, то Стивен был убежден в культурном превосходстве британцев над индийцами [Metcalf, 1994, p. 58–59]. Милль был сторонником «независимого» и «автономного» развития личности (это нашло отражение в его знаменитом тезисе «защиты от правительства» [Милль, 1980, p. 222]), а Стивен же, напротив, предлагал развитие личности в рамках жесткой иерархии. «Авторитарный» либерализм Стивена наиболее соответствовал захватническим устремлениям британского капитала и поэтому сыграл роль идейной опоры британской монархии.

Начиная с лорда Литтона (вице-король Индии в 1876–1880 гг.), британское правительство пришло к пониманию необходимости поддержки своей политики в регионе со стороны широких слоев индийского общества. При этом консерватор Э.Р. Бульвер-Литтон (ставленник Б. Дизраэли) делал ставку на индийских аристократов. Консерваторы расценивали крестьянскую массу как инертную, а поиск опоры в лице *бабу* (выходцев из варны брахманов Бенгалии, получивших европейское образование) и вовсе считался опасным [Edwardes, 1967, p. 182]. А лидер либералов У.Ю. Гладстон в 1877 г. заявил: «...мы не должны идти против растущего индийского сознания, мы же сами начали этот процесс через образование» [Edwardes, 1967, p. 183]. Таким образом, в метрополии соперничая-

щие партии имели разные взгляды на индийскую проблему. Либералы стремились сделать опорой для проведения реформ «средний» класс Индии, а консерваторы – аристократию.

Еще Р. Бурк, лорд Мейо (вице-король Индии в 1869–1872 гг.), который создал институт муниципальных работ, утверждал: «Мы должны привлекать для управления местный элемент, который мы бы обучили управлению в дистриктах» [Edwardes, 1967, p. 184]. Либеральный курс продолжил Дж.Ф. Робинсон, лорд Рипон (вице-король Индии в 1880–1884 гг.). Он попытался дать реальную власть муниципальным советам и ограничить британское вмешательство в дела индийского общества. Вскоре после его отставки уже при новом вице-короле лорде Дафферине (Ф.Т. Гамильтон-Темпл-Блэквуд, вице-король Индии в 1884–1888 гг.) в 1885 г. был создан Индийский Национальный Конгресс (ИНК), который стал первой общеиндийской парламентской структурой. Таким образом, несмотря на кадровые перестановки в британской администрации в Индии, неизменным оставался «либеральный» курс управления с опорой на туземные элиты.

Исходя из логики этого курса, в 1892 г. был принят акт, согласно которому провинциальные Советы получили право обсуждать бюджет и административные вопросы. Специалист по истории Индии Майкл Эдвардс считал, что акт был своеобразным компромиссом между консерваторами и либералами. Последние признали необходимость империи, а «вестернизация» Индии стала целью для колониальной администрации. Однако подобные обобщения Эдвардса нельзя не подвергнуть критике, если не иметь в виду, что в английских правящих кругах не имела места полемика о сельской общине в Индии. Проблема для британцев была в том, как удобнее исчислять и собирать налог – с хозяйства или с деревни. Поэтому наиболее подходящей теоретической платформой для понимания сути британского владычества и подоплеку событий в колониальной Индии являются исследования, выполненные в рамках такого направления, как *Subaltern Studies*. Однако применение методов данного подхода не имеет перспективы для осмысления истории Русского Туркестана и как историографический сюжет выходит за рамки нашей работы.

М. Эдвардс отмечал, что авторитарный стиль управления британцев стал господствующим, в особенности при вице-короле Дж.Н. Керзоне (1898–1905), который рассматривал Индию как краеугольный камень Британской империи и, по сути, сам был воплощением «интеллектуального» консервативного империализма. Его целью было починить индийскую «машину» и поскорее продвинуть ее к цивилизованному миру. Администрация вице-короля должна была «везде идти вперед и созидать не для настоящего, а для будущего» [Edwardes, 1967, p. 187–188]. Керзон искренне верил, что «Провидение вверило индийцев британцам», а его понимание истории опиралось на идею о происходящем «как деле рук Божьих» [Edwardes, 1967, p. 188]. В английских правящих кругах укоренилась идея объяснять весь ход истории с позиций теологии, несмотря на провозглашаемую идею научного прогресса и сопутствующего ему атеизма. Само существование Британской империи требовало некоего божественного освящения.

По сути, в Российской империи синодальное православие выполняло ту же функцию, что и англиканство. Однако русская монархия была в этом последовательна и не драпировалась в новомодную тогу секулярного прогресса. Безусловно, христианство сыграло значительную роль в формировании идеологической политики империй Европы. Оно давало империалистическим державам чувствовать себя более культурными, гуманными и просвещенными среди народов Востока. Религиозное сознание и самоидентификация придавали европейцам уверенность и превосходство морального плана. Тем самым происходила легитимация диктата другим народам основ европейской цивилизации.

Ярким проявлением отмеченного выше авторитаризма в управлении стал представленный Керзоном в январе 1902 г. парламенту Великобританииopus «Документы, относящиеся

к системе земельных доходов Британской Индии», где он изложил свое видение экономических проблем страны. Основной причиной бедности крестьян назывались религия и традиции индийцев, в том числе непомерные траты на праздники, и в первую очередь свадебные мероприятия [Edwardes, 1967, p. 193]. Однако это была неотъемлемая составляющая жизни индийской касты как единого общественного организма. Игнорирование подобных традиционных институтов британцами стало визитной карточкой британской специфики управления.

Инициативам англичан и русских в колониях/национальных окраинах предшествовал опыт другого великого европейского народа – французов. В.О. Бобровников отмечал, что французские колониальные власти не были чужды идеям Сен-Симона и Фурье, и этим обуславливает их стремление опереться на общину как на социальную опору своего колониального господства в Алжире [Бобровников, 2016, с. 194]. В Северной Африке французами еще в 1845 г. были выделены три территории с различным по составу населением и пропорциональным этому различию вмешательством военных в управление [РГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 765, л. 101–102; Овсянников, 2019]. А с середины 1850-х гг. французы предпринимают меры по моделированию арабских и берберских племен в русле их дробления на фракции (дуары¹) и построение через это «арабской коммуны». Это происходило через прикрепление дуаров к определенной территории и фиксацию их количественного состава (от 2 тыс. до 3 тыс. человек). К концу 1870 г. так было сформировано из 1161 племени 1856 дуаров [Collot, 1987, p. 89].

По аналогии с Северо-Западным Кавказом в Туркестане предусматривались меры по переселению русского населения в регион и дальнейшего хозяйственного его освоения. Это сближает французский Алжир и национальные окраины Российской империи. Однако если французы, исходя из теоретических установок, конструировали общину, методы русской администрации не попадают под такое определение.

Сможет ли община способствовать экономическому развитию региона и включиться в капиталистические отношения или станет тормозом? Имеет ли смысл говорить о сельской общине в принципе как о социальном явлении, с которым нужно считаться? Все это занимало умы российских чиновников. Дискуссия по этим вопросам развернулась среди русского чиновничества и исследователей, причастных к Туркестану в 1860–1880-е гг. Одни исследователи и чиновники считали общину тормозом развития, либо вовсе отрицали наличие общинного элемента в сельской жизни Туркестана. Так академик А.Ф. Миддендорф, в частности, исходил из априорного положения о неэффективности и отсталости общинного землевладения. Он ратовал за укрепление частного начала в хозяйственной жизни «туземцев» [Миддендорф, 1882, с. 414, 464]. В свою очередь, старый туркестанец, занимавший должности уездного начальника, а затем и военного губернатора Ферганской области, Г.А. Арандаренко, был более категоричным и считал, что «во всех больших и малых предприятиях туземцев ясно обозначается всегда полная разобщенность, неспособность к труду на общинных артельных началах», а в жизни доминирует личное начало, а не общинное [Арандаренко, 1889, с. 353]. Его мнение во многом было повторением слов председателя Степной комиссии Ф.К. Гирса. Последний утверждал, что «общественное владение землею, которое лежит в основании нашей сельской общины, в здешней местности не существует», а собственность *de facto* является частной («полной») [Гирс, 1884, с. 346]. Однако Гирс не мог отрицать факта коллективизма оседлого населения Туркестана в отношении водного вопроса: «Община существует только в отношениях поводных, а не поземельных» [Гирс, 1884, с. 346]. Скепсис вышеупомянутых лиц в отношении общины можно объяснить не-

¹ Исходно это понятие означало круг палаток или лагерь группы бедуинов, внутрь которого на ночь загоняли принадлежащие им стада.

похожестью русской крестьянской общины и сельских общин неевропейских народов. Так А.К. Абрамов отмечал в своем споре с Ф.К. Гирсом: «Во всем этом какое-то общинное начало и чувствуется, но только чувствуется и то, крайне неосознательно и вовсе неопределенно. Не видно, где же эта водная община начинается и где она кончается? Не очерчен вовсе круг ее» [Абрамов, Щербинский, 1885, с. 27–28]. С другой стороны, боязнь сельской общины как «ячейки социализма» имела место в правящих кругах Российской империи. Высказывалось мнение из стана «охранителей», которые опасались развития революций по европейскому сценарию (1848), о необходимости развития частного начала и изживании общины не только русской, но в первую очередь «туземной», как потенциально опасного структурного элемента организации населения, «совершенно чуждого русским интересам и по своему племенному происхождению и по своей религии», который «легко может сплотить чуждые и враждебные для нас их общественные интересы» [*Русский биографический*, 1914, с. 46, 68].

Таким образом, у европейски образованного (и зачастую по-европейски мыслящего) правящего слоя в России доминировала идея опоры в регионе на институт частной собственности, формальные признаки которого они усматривали у мусульман Туркестана. «Русским» вариантом европеизации через управление было, в свою очередь, фактическое допущение существования частного наследственного владения при господстве государственной собственности на землю. Своего рода «соломоново решение» было принято генерал-губернатором Туркестана К.П. фон Кауфманом (1867–1882 гг.). Он частично импортировал в Туркестан управленческие практики из русской деревни [Гирс, 1884, с. 454]. Так, в частности, было введено налогообложение по селениям, а не по дворам. С.Н. Абашин обратил внимание на тот интересный факт, что «Кауфман в вопросе земельного устройства Туркестана придерживался очень умеренных, почти консервативных взглядов, за что его резко критиковали уже либералы во власти» [Абашин, 2001, с. 44]. Несмотря на консервативность, в Туркестане русская администрация существенно ослабила позиции крупного землевладения в лице местной аристократии: были отменены податные льготы на мульковые владения, а также проведен учет вакуфных земель, в результате чего этот фонд сократился в четыре раза [Фурсов, 2010, с. 29].

Кауфман отмечал такие особенности «политической узбекской системы», как зависимость «владельцев земельных имуществ» от государственной власти, что исключало «во всех этих отношениях признание начала «частной собственности», характеризующего наше Европейское понятие о землевладении» [*Проект*, 1885, с. 228]. При этом Кауфман прагматично отмечал: «...пока у нас еще нет хорошо изученной истории местной поземельной общины» [*Проект*, 1885, с. 265–266]. В связи с этим он считал неверным игнорировать роль коллектива в тех же ирригационных работах, которые «дают стойкий общинный характер поземельным отношениям туземцев» [*Проект*, 1885, с. 266–267]. В итоге проблема землепользования была решена следующим образом. На основании принципа невмешательства во внутренний уклад были сохранены как общинная, так и подворно-участковая (мульк²) формы использования земли. Также были утверждены права на мульковые земли тех, в чьем «постоянном, потомственном ... владении, пользовании и распоряжении» они находились на момент преобразований [Положение, 1997, с. 338]. Таким образом, тезис советской исследовательницы Е.Л. Зелькиной о ставке Кауфмана в конечном итоге на частную собственность [Зелькина, 1930, с. 30, 35–36] провисает и не находит должного подтверждения. В свою очередь, С.Н. Абашин, анализируя полемику русских «либералов» и «консерваторов» того времени о среднеазиатской поземельной общине [Абашин, 2001; 2002], делал

² Дифференцированная форма землевладения на мусульманском Востоке, которую было бы ошибкой сводить к частной собственности по европейской кальке.

оговорку, что не стремится дать однозначный ответ о наличии/отсутствии сельской общины в Туркестане. Однако он все-таки подводит к выводу о доминирующем среди «экспертов» того времени выводе об отсутствии среднеазиатской поземельной общины как массового явления [Абашин, 2001, с. 55]. Это несколько расходится с высказанной попыткой Абашина «встать над схваткой» [Абашин, 2001, с. 35].

Стоит отметить, что частная собственность для России была (и во многом остается) неорганичной формой владения. Для «имманентно некапиталистической» [Фурсов, 2013, с. 135] России было логичным усиление государственного контроля в противовес частному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Французы несколько раньше других «великих держав» стали действовать в отношении организации населения покоренных территорий. Эта политика по праву может быть названа конструкторской. Формирование дуаров из кочевых племен стало своего рода социальной инженерией, исходящей из модернистских установок домарксистских идеологов социализма.

Взгляды британского истеблишмента на проблему индийской сельской общины были более примитивными и утилитарными, чем во Франции и России. Соответственно их отличала и большая практичность, исходящая из целеполагания колониального господства и извлечения прибыли. Это было несколько завуалировано в гуманистическую риторику, в которой, тем не менее, сквозили установки расового превосходства британцев над индийцами. В Великобритании оппозиционные политические силы сходились по вопросу колониальной эксплуатации и не ломали зря голову над тем, есть ли община в Индии или ее нет.

В Русском Туркестане мы можем увидеть альтернативный вариант европеизации мусульманского Востока. Русский чиновничий корпус, был относительно малочисленным. Компенсация этого обстоятельства происходила через наделение чиновников фактической властью в национальных окраинах, намного большей, чем у французов и британцев. За счет расплывчатых формулировок положений об управлении русские чиновники имели возможность принимать решения, исходя из текущей обстановки на месте, нередко вопреки основной линии Петербурга, а также обслуживающего эту линию «экспертного мнения». Его озвучивали представители либеральной интеллигенции, во многом чуждой как большинству русского народа в силу культурного разрыва, так и русской традиции управления. Отличительной чертой этой традиции является усиление власти и контроля за обширными территориями, а не юридических и финансовых институтов, упор на которые делался у французов и британцев. Другая характерная черта российского метода управления заключалась в фиксации существующих социальных институтов при попытках унификации коллективных общественных институтов на русский манер (по образу русской крестьянской общины).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абашин С.Н. Быть или не быть общине в Туркестане: споры в русской администрации в 1860–1880 годах. *Вестник Евразии*. 2001. № 4. С. 35–62 [Abashin S.N. To Be or Not to Be a Community in Turkestan: Disputes in the Russian Administration in 1860–1880. *Vestnik Evrazii*. 2001. No. 4. Pp. 35–62 (in Russian)].

Абашин С.Н. Община в Туркестане в оценках и спорах администраторов начала 80-х годов XIX века (по материалам Центрального государственного архива республики Узбекистан). *Сборник русского исторического общества*. 2002. Т. 5 (153). С. 71–88 [Abashin S.N. The Community in Turkestan in the Assessments and Disputes of the Administrators of the Early 80s of the 19th century (based on the Materials

of the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan). *Sbornik russkogo istoricheskogo obshchestva*. 2002. Vol. 5 (153). Pp. 71–88 (in Russian)].

Абашин С.Н. *Советский кишлак: Между колониализмом и модернизацией*. М.: НЛЮ, 2015 [Abashin S.N. *Soviet kishlak: Between Colonialism and Modernization*. Moscow: NLO, 2015 (in Russian)].

Абдулхамидов А. Общинные традиции в орошаемом земледелии дореволюционного Узбекистана (XIX – начало XX в.). *Советская этнография*. 1987. № 2. С. 100–107 [Abdulkhamidov A. Community Traditions in Irrigated Agriculture in Pre-revolutionary Uzbekistan (19– early 20 centuries). *Sovetskaya etnografiya*. 1987. No. 2. Pp. 100–107 (in Russian)].

Абдураимов М. Пережитки сельской общины в узбекском селении Хумсан (XIX – начало XX в.). *Советская этнография*. 1959. № 4. С. 43–54 [Abduraimov M. Remnants of the Rural Community in the Uzbek Village of Khumsan (19 – early 20 centuries). *Sovetskaya etnografiya*. 1959. No. 4. Pp. 43–54 (in Russian)].

Абрамов А.К., Щербинский Н.С. *Записка по вопросу о правах владения землею в Туркестанском крае*. СПб.: Б. и., 1885 [Abramov A.K., Shcherbinsky N.S. *Note on the Issue of Land Tenure Rights in the Turkestan Region*. Saint-Petersburg: w. d., 1885 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община в Северной Индии: Основные этапы эволюции*. М.: Ленанд, 2014 [Alaev L.B. *Rural Community in North India: Major Stages of Evolution*. Moscow: Lenand, 2014 (in Russian)].

Алаев Л.Б. *Сельская община: «роман, вставленный в историю»*. Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: Ленанд, 2016 [Alaev L.B. *The Rural Community: A Novel Inserted into History*. Critical Analysis of Community Theory, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society. Moscow: Lenand, 2016 (in Russian)].

Арандаренко Г.А. *Досуги в Туркестане (1874–1889)*. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889 [Arandarenko G.A. *Leisure in Turkestan (1874–1889)*. Saint-Petersburg: Typ. M.M. Stasyulevich, 1889 (in Russian)].

Бобровников В.О. Русский Кавказ и французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 182–209 [Bobrovnikov V.O. Russian Caucasus and French Algeria: Accidental Similarity or Exchange of Experience of Colonial Building? *Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010. Pp. 182–209 (in Russian)].

Бобровников В.О. Как русские на Кавказе и французы в Алжире XIX в. управляли туземцами-мусульманами. *Кавказский сборник*. Т. 7(39). М.: Русская панорама, 2011. С. 239–263 [Bobrovnikov V.O. As the Russians in the Caucasus and the French in Algeria in the 19th century Ruled by the Muslim Natives. *Kavkazskiy sbornik*. V. 7(39). Moscow: Russkaya panorama, 2011. Pp. 239–263 (in Russian)].

Бобровников В.О. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи. *Ориентализм vs. ориенталистика*. М.: ООО «Садра», 2016. С. 167–206 [Bobrovnikov V.O. Our “Strangers”: Foreigners and Natives in the Russian Empire. *Orientalism vs. Orientalistika*. Moscow: ООО “Sadra”, 2016. Pp. 167–206 (in Russian)].

Гирс Ф. *Отчет ревизующего, по Высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гупса*. СПб.: Б.и., 1884 [Girs F. *Report of the Auditor, by the Highest Command, Turkestan Region, Secret Adviser Girs*. Saint-Petersburg: W. P., 1884 (in Russian)].

Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций. *Советская этнография*. 1984. № 5. С. 70–80. [Gromyko M.M. The Place of the Rural (Territorial, Neighboring) Community in the Social Mechanism of the Formation, Storage and Change of Traditions. *Sovetskaya etnografiya*. 1984. No. 5. Pp. 70–80 (in Russian)].

Зелькина Е.Л. *Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии*. М., 1930 [Zelkina E.L. *Essays on the Agrarian Question in Central Asia*. Moscow, 1930 (in Russian)].

Ковалевский М.М. *Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения*. Часть первая. Москва: Типография Ф.Б. Миллера, 1879 [Kovalevsky M.M. *Communal Land Tenure, Causes, Course and Consequences of Its Decomposition*. Part one. Moscow: Printing house F.B. Miller, 1879 (in Russian)].

Кондауров А.Н. *Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев*. М.–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1940 [Kondaurov A.N. *The Patriarchal Home Community and Communal Homes of the Yagnobis*. Moscow – Leningrad: Izd. AN SSSR, 1940 (in Russian)].

Милль Дж.С. *Основы политической экономии*. Ред. А.Г. Милейковский. Т. I. М.: Прогресс, 1980 [Mill J.S. *Foundations of Political Economy*. Ed. A.G. Mileikovsky. T. I. Moscow: Progress, 1980 (in Russian)].

Миддендорф А.Ф. *Очерки Ферганской долины*. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1882 [Middendorf A.F. *Essays on the Fergana Valley*. Saint-Petersburg: Izd. Akademii nauk, 1882 (in Russian)].

Овсянников Д.В. Французская колония и русская национальная окраина в 1845 году: к вопросу о различии принципов имперского управления. *Вопросы*. 2019. Vol. 54. Issue 4. С. 1594–1602 [Ovsyannikov D.V. The French Colony and the Russian National Periphery in 1845: on the Issue of the Difference in the Principles of Imperial Government. *Voprosy*. 2019. Vol. 54. Issue 4. Pp. 1594–1602 (in Russian)].

Пален К.К. *Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане*. Ч. 1. Отд. 1. СПб.: Сенат. тип., 1911 [Pahlen K.K. *Materials for the Characterization of the National Economy in Turkestan*. Part 1. Dept. 1. Saint-Petersburg: Senate typ., 1911 (in Russian)].

Положение об управлении Туркестанского края. *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание 3. Т. VI. 1886. СПб.: Государственная типография, 1888. С. 318–346 [Regulations on the Management of the Turkestan Region. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire*. Collection 3. Vol. VI. 1886. Saint-Petersburg: State Printing House, 1888. Pp. 318–346 (in Russian)].

Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб.: Изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, 1885 [Draft of the Most Submissive Report of Adjutant General K.P. von Kaufman on Civil Administration and Organization in the Regions of the Turkestan General Government. November 7, 1867– March 25, 1881. Saint-Petersburg: Edition of the Military Scientific Committee of the General Staff, 1885 (in Russian)].

Русский биографический словарь. Том XI. Нааке-Накенский Николай Николаевич Старший. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1914 [Russian Biographical Dictionary. Vol. XI. Naake-Nakensky Nikolai Nikolaevich the Elder. Saint-Petersburg: Typ. Main Department of Districts, 1914 (in Russian)].

Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности. *Крестьянство и индустриальная цивилизация*. М.: Восточная литература, 1993. С. 56–112 [Fursov A.I. Peasantry in Social Systems: the Experience of Developing the Theory of the Peasantry as a Social Type – the Personifier of the Interaction of Universal and Systemic Sociality. *Peasantry and Industrial Civilization*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1993. Pp. 56–112 (in Russian)].

Фурсов А.И. Советский Союз в русской истории и мировой системе. *История и современность*. 2013. № 3. С. 125–135 [Fursov A.I. The Soviet Union in Russian History and the World System. *Istoriya i sovremennost'*. 2013. No. 3. Pp. 125–135 (in Russian)].

Фурсов К.А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: общее и различия. *Восток (Oriens)*. 2010. № 6. С. 28–44 [Fursov K.A. Imperial Economic Policy in Russian Turkestan and British India: Common and Differences. *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 6. Pp. 28–44 (in Russian)].

- Bellamy R. *Victorian Liberalism: Nineteenth-Century Political Thought and Practice*. New York: Routledge, Chapman & Hall. 1990.
- Bureaux arabes. *Encyclopédie berbère*. Vol. XI. Edisud, 1992. Pp. 1657–1668.
- Collot C. *Les institutions de l'Algérie Durant la period colonial (1830 – 1962)*. Paris: Ed. du CNRS; Alger: Office des publ. univ., 1987.
- Djemāa. *Encyclopédie berbère*. Vol. XVI. Edisud, 1995. Pp. 2434–2441.
- Douar. *Encyclopédie berbère*. Vol. XVI. Edisud, 1995. Pp. 2519–2522.
- Edwardes M. *British India, 1772–1947: A Survey of the Nature and Effects of Alien Rule*. New York: Taplinger Publishing Company, 1967.
- Metcalf Th.R. Ideologies of the Raj. *The New Cambridge History of India*. Vol. III. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860–1917. *The Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84. № 4. Pp. 666–707.
- Rudolf L. *The Modernity of Tradition. Political Development in India*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дмитрий В. ОВСЯННИКОВ –
кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета, Санкт-Петербург, Россия.

Dmitry V. OVSIANNIKOV, PhD (History),
Associate Professor, St. Petersburg State
University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

Бахтиёр А. АЛИМДЖАНОВ –
кандидат исторических наук, докторант,
Институт востоковедения им. Абу Райхана
Беруни, Ташкент, Узбекистан.

Bakhtiyor A. ALIMDJANOV, PhD (History),
Postdoctoral student at Abu Raykhan Beruni
Institute of Oriental Studies, Tashkent,
Uzbekistan.

Тимур М. КАРМОВ – кандидат исторических
наук, доцент Санкт-Петербургского
государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия.

Timur M. KARMOV, PhD (History), associate
professor, St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation.